

Волкова Анастасия

11 класс, МБОУ «СОШ» № 9», Владивосток

Рецензия на спектакль «Спасти камер-юнкера Пушкина»(театр молодёжи, малая сцена). По пьесе Михаила Хейфеца «Спасти камер-юнкера Пушкина. Режиссёр Виталий Дьяченко

А может в театр – спасти Пушкина?

Спектакль начинается с выстрела. Заканчивается – оглушительной тишиной.

Тишиной, пробуждающей в юном зрителе главный страх – страх попасть в ловушку взрослого мира, захлопнуться, остаться там с внутренним желанием, но без надежды выбраться. И уже понятно, понятно, что маленький человек не вещает со сцены, а вот он, озвучивает твои мысли, сидит в твоём сознании, руководит твоими действиями. И именно тебе пора выбираться.

Спектакль на открытие Малой. Первая проба современного театра в морском городе. В контекстуальной иронии отреставрирован портрет Станиславского, который высокомерно зрит в корень происходящего действия на нетронутой рабочей сцене. Перед глазами одного кумира во всех красках и образах описывается нелюбовь к другому. Отторжение, напрямую связанное с принуждением. Такая концепция лейтмотивом проходит через весь спектакль, делает остановки на этапах взросления Миши Питунина – главного, центрального, единственно-меняющегося действующего лица. Остальные разыгрывающие фарс-персонажи – ни что иное, как пропущенные через призму субъективного взгляда главного героя гипертрофированные образы. Действия и мысли их нелепы. И нелепы непонятно даже от чего: то

ли от общего фона декадентской эпохи, то ли от сломленного (ещё в детсадовстве) духа индивидуализма «интеллигента». Но воспитание «русской интеллигентности» смотрится в контексте эпохи так же абсурдно, как и высокопарные Пушкинские строки в постсоветских недо-обшарпанных декорациях.

Недо-обшарпанных... это слово формирует всю эстетическую составляющую спектакля: начиная от общего плана сценического пространства (по-дилетантски выложенная кирпичом сцена, чёрный пыльный пол, непримечательно стоящие балки по бокам – недоработки малой сцены в контексте спектакля становятся художественно осмысленными), заканчивая частными деталями в истории: обрезанный портрет Пушкина; сломанные гитары с рвущимися струнами, рвущими твой слух; пышный букет цветов, источающий тошнотворный запах. Неприязнь, отовсюду слышится неприязнь. Но спектакль не о «чернушных трудностях совка», не об отрицании библейской заповеди «Не сотвори себе кумира», даже не о маленьком человеке – Мише Питунине, который с детства ненавидит Пушкина. Спектакль о выборе. Идея выбора сочтена отовсюду. Ты можешь выбрать – ностальгировать ли по образам или испытывать к ним отвращение. Ведь за исключением некоторой конкретики большинство образов не материализованы – они доносятся словом и достраиваются воображением, поэтому и костюмы, и реквизит, и декорации – условны. Меру условности определяет лишь степень символизма.

Выбор также подчёркивается ещё Вахтанговым введённой традицией, когда актёры играли с системой своих ролей –перевоплощались на глазах у зрителя. С накидыванием одного пиджака Николай Тирищук становится Дубасовым, Герман Авеличев благодаря галстуку и голосовых умений ежесекундно превоплощается в «интеллигентного гопника», а Анастасия Кошарнова, надев парик с бакенбардами, предстаёт перед зрителем «гулякой и хитрецом». Но это единственное, что есть от «современного» в игре

актёров. В остальном это старая добрая система Станиславского. Она создаёт в новаторском материале уголок для искренности и настоящести происходящего на подсознательном уровне, и воспринимаемый нами материал становится давно знакомым и приятным для осознания.

Важно отметить, что роль Миши Питунина – «Пушкинской жертвы» – отдана на растерзание четырём актёрам (Денис Лашко, Юрий Шадрин, Николай Тирищук, Герман Авеличев). Один актёр на один важный жизненный этап формирования почти по-звягинцевски выверенной Нелюбви, только в этом случае НЕЛюбви к Пушкина. Герман Авеличев на годы обтягивающих колготок и манной каши с монотонным прочтением Пушкинских строф. На этом этапе жизни Пушкин-Скушкин, Пушкин-Дурушкин, Пушкин-Казюшкин. Денис Лашко на школьные часы, омрачённые лицеем им. Пушкина, но осветлённые так знакомыми нам пошлыми переделками стихов «солнца русской поэзии» –! осторожно, момент ностальгии! – «У лукоморья дуб – спилили, Кота на мясо порубили, Русалку в бочку засолили и написали – ОГУРЦЫ»... В этот этап взросления Пушкин-Отстой, Пушкин-Бабник, Пушкин-слушаем лучше Beatles. Николай Тирищук на армейские времена, и даже тут...Пушкин! Опять Пушкин! Снова! Только теперь образ его кажется Миши Питунину и, как следствие, зрителю ближе к нашим мирским чувствам. Здесь Пушкин – свой в доску, Пушкин – обольститель всех дам, Пушкин-друг. Юрий Шадрин на закатные годы жизни, в которые психоделика и культурные коды (например сны Бананана из фильма «Асса») считываются легче, получают осмысленнее, а Пушкин уже не навязанный кумир – теперь он родная душа. Теперь его хочется, нет, его необходимо СПАСТИ. От смерти, от Тления, от Неискренности.

Вместе с тем, Михаил Хейфец, автор пьесы, считает, что история «не про Пушкина. Пушкин это всего лишь метафора. Это некий культурный код, символ. Это «наше все», которое вдруг становится никому не нужным. Она

про жизнь человека на разломе истории, культуры, на разломе всего жизненного устройства». Эта мысль идёт в ногу с глобальным упрощением текста, как произведения искусства, в сторону пост-советского зрителя, пережившего и воспитанного в разлом эпохи. Концептуально оправдано, но для среднестатистического подростка неактуально. Мысль же заложенная в материал Виталием Дьяченко, смешавшего Питерскую интеллигентность и Перводанную свободу, куда более близка мне – подростку, а так как спектакль заявлен быть подростковым, думаю, я могу добавить щепотку субъективизма. На протяжении всего спектакля Виталий Дьяченко рассуждает о наличии выбора, наличии осмысленности. Осмысленной любви или Нелюбви. О важности факта этого осмысления. У Миши Питунина случается факт осмысления. У меня случается факт осмысления. У бабушки, сидящей слева от меня с мокрыми от слёз глазами, случается факт осмысления. У мальчишки, который весь спектакль только смеялся и выкрикивал бесстыдства, а в финале ревет белугой – у него тоже случается факт осмысления. Факт осмысления перетекает в сплочающий фактор. И каждый из нас пробивает свой потолок.

Но где же происходит переломный момент между отторжением и принятием, между истиной и навязанной фантазмагорией, между Любовью и Нелюбовью? Происходит это в момент духовного подъёма героя, когда душа его обнажена – банально, но вечно – в момент чистой любви. Тогда идея спасения Пушкина появляется благодаря Ей, развивается благодаря Ей, но исполняется Им. Библейское сочетание, приводящее к истине.

Примечательно, что и Девушку с «редким таким именем – Лера» и Пушкина, который в спектакле появляется как отдельный персонаж, – играет одна и та же актриса – Анастасия Кошарнова. Приводит ли это нас к лёгкому выводу о всегда скрытой любви к Пушкину в сердце героя? Возможно. Так же возможно, как и вывод о том, что сначала случилась любовь к Ней, а потом к Её любимому поэту. Всеупрощающая прямота, имеющая большое

количество интерпретаций. Смех, который сменяется страхом. Апофеоз зрительской пошлости.

Чума во время пира. Когда Миша Питунин (Юрий Шадрин) по-детски наигранно погибает в конце спектакля от рук гопников, но как будто спасая Пушкина ценой собственной жизни – как тогда, на нарисованной Ей картине – спектакль резко и прямолинейно говорит о трагическом контексте, спрятанном всё это время между строк комедии. И тебе становится стыдно. Теперь смех плавно перетекает в отчаяние.

Даже камер-юнкер Пушкин – Маленький человек. Миша Питунин – маленький человек. Я. Ты. Мы. Вы. Везде маленькие люди с большими надеждами, населяющие время и пространство. Остаётся только прорвать вечный круг бытовых дел, в котором задохнулся главный герой, в котором может задохнёмся мы. Остаётся только

Жить без страха в осознанности и с возможностью выбора?

Жить?

Вопрос остаётся открытым, как и всегда.